

Сорок сороков ... нелепостей

Что такое биография писателя? Если в биографии путешественника говорится преимущественно о его географических открытиях, а в биографии ученого – о его научных трудах, то в биографии писателя речь должна идти преимущественно о созданных им литературных произведениях и в первую очередь о тех из них, на которых зиждется его писательская слава.

В биографии Льва Толстого это, прежде всего, три самых крупных и всемирно известных его произведения, которым были отданы многие годы его жизни. «Пять лет непрерывного и исключительного труда», по словам самого Толстого, ушло у него на создание «Войны и мира». Четыре года работал он над «Анной Карениной», в течение десяти лет был занят «Воскресением». Это ли не крупнейшие факты биографии Толстого, перед которыми биографические факты нетворческого порядка отходят на второй и третий план? Недаром Чехов писал: «Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела. Все бледнеет перед книгами».

Но вот перед нами книга, на титульном листе которой обозначено: «Л. Н. Толстой. Биография. Пособие для учащихся». И как ни странно, в этой биографии о работе Толстого над каждым из названных романов говорится кратко и бегло, словно это были не очень значительные эпизоды в его жизни. Достаточно сказать, что всем трем романам в книге уделено около четырех страниц (из 136), да и то малосодержательных.

Так, часть страницы, которая пришлась на долю «Анны Карениной», израсходована на «беллетристическое» описание обстановки, в которой писался роман: «Была ранняя весна 1873 года. В окно кабинета писатель видел только что пробивающуюся травку и рассыпанные по ней лиловые звездочки, это цвели первые весенние цветы на площадке перед домом – кроксы; у среднего пруда начали зеленеть тополя».

В главе, в которую вошло краткое сообщение о «Войне и мире», снова с обстоятельностью, достойной более целесообразного применения, говорится о цветочных клумбах в Ясной Поляне, о том, кто гостил у Толстых, какие подарки

детям привозил Лев Николаевич из Москвы, как однажды на охоте он вывихнул себе ногу, и т. п.

Из других произведений Толстого несколько большее внимание уделено ранним его вещам, написанным до «Войны и мира». Что же касается поздних, то они, как правило, лишь упоминаются; причем упоминания эти сопровождаются сухими библиографическими справками, малоинтересными для юного читателя. Вот, например, как преподнесен «Живой труп»: «...он (Толстой) написал еще (!) пьесу «Живой труп». Над ней он работал с января 1900 года по ноябрь того же года. Сюжетом пьесы «Живой труп» послужил случай, также (?) рассказанный Толстому прокурором Давыдовым из судебной практики. Пьеса «Живой труп» осталась незаконченной... Впервые драма была опубликована после смерти Толстого в 1911 году в газете «Русское слово», а уже затем отдельным изданием» (стр. 112). И все. Что за пьеса, каковы ее содержание и идейная направленность, какой именно судебный случай лег в основу ее сюжета – все это остается для читателя неизвестным.

Автор книги то и дело забывает, для кого и для чего он пишет. На страницах 84 – 85 он счел нужным упомянуть об увлечении Толстого экономическим учением Генри Джорджа, но что это за учение – не сообщает. На странице 119 отмечен проезд в Ясную Поляну Горького и Пятницкого, но кто такой Пятницкий – не пояснено. Юные читатели могут принять руководителя издательства «Знание» за основателя известного народного хора. Ни примечаний к именам, менее известным для учащихся, ни именного указателя здесь нет.

В книге нет четкого изложения мировоззрения Толстого, который выставляется то поборником классовой гармонии (см., например, стр. 72), то чуть не бунтовщиком русской революции – не «зеркалом» ее, как назвал Льва Толстого В. И. Ленин, а именно бунтовщиком. Так, на странице 109 говорится о том, что Толстой «жаждал бури, жаждал обновления своей русской земли» и что эту жажду он будто «хорошо передал... в настроении героя романа «Воскресение» Нехлюдова». И тут же добавлено: «Но более сильно выразил это ощущение приближения революции Горький в своем стихотворении прозой (?):

«Пусть сильнее грянет буря»... Таким образом, получается, что между Нехлюдовым из «Воскресения» и М. Горьким в их отношении к приближавшейся революции нет принципиальной разницы, поскольку и Нехлюдов, оказывается, «жаждал бури», но только менее сильно?!

А сколько в книге А. И. Поповкина разного рода мелких искажений и несообразностей, всяких неточностей и фактических ошибок! Укажем на некоторые из них:

«Записки фейерверкера» названы «Записками феверка» (стр. 33).

Николай Андреевич Болконский (отец князя Андрея в «Войне и мире») назван «князем Василием» и, видимо, спутан с князем Василием Курагиным (стр. 57).

Академик Остроградский переименован в Острогорского (стр. 45).

Л. Д. Урусов назван «другом молодости» Толстого (стр. 85), но он не мог быть таковым, так как познакомился с Толстым лишь в 1878 году; другом же молодости Толстого был другой Урусов, которого звали Сергей Семенович.

Письмо Толстого о самарском голоде, адресованное издателям «Московских ведомостей», в книге переадресовано Н. Н. Страхову (стр. 65). Кстати, описанный в этом письме голод был не в 1872 году, как сообщает автор, а в 1873.

Известно крылатое определение количества церквей в старой Москве – «сорок сороков». Известно также народное наблюдение о прилете жаворонков 9 марта – в день, который в церковном календаре отмечается как день «сорока мучеников». Автор книги спутал все это и, сообщая о посещении Толстым крестьянина Шинтякова, делает курьезную запись «Толстой посетил избу этого крестьянина 9 марта, в этот день обычно праздновали «сорок сороков» – весенний прилет птиц ...» (стр. 75).

Сопоставляя дневниковую запись молодого Толстого об «Антонегоремыке» Григоровича (запись, кстати, относится не к 1853, а к 1851 году) с письмом Толстого к Григоровичу-юбиляру в 1893 году, автор замечает, что дневниковая запись была сделана «несколько позднее» (?) письма (стр. 15).

На странице 120 в цитате из Толстого, состоящей из двенадцати слов, в кавычки взято только пять, остальные, следовательно, автор присвоил себе. Вообще ссылочно-цитатный «аппарат» книги крайне неряшлив. Так, на странице 105, приведя слова Толстого о том, что «искусство есть одно из средств общения людей между собой», автор ссылается при этом на 10-й том юбилейного издания сочинений Толстого, то есть на второй том «Войны и мира», и на ту страницу этого тома, где речь идет о самочувствии и поведении Николая Ростова после карточного проигрыша.

Общая неряшливость книги сказалась, разумеется, и на ее языке. Книга изобилует неправильными оборотами и стилистическими курьезами вроде следующих:

«Писатель считал язык этого рассказа («Кавказский пленник». – Н. П.) образцом, которым надо писать для народа» (стр. 65).

О книготорговле Сытина: «В особенности *большой успех* в продаже занимал отдел детских книг» (стр. 82).

«Он (Толстой) задыхается в душной атмосфере *бесправия городского бюрократизма*» (стр. 79).

«В течение ряда лет он (отец Толстого) участвовал во многих сражениях войны 1812 года» (стр. 4).

«Среди своей среды» (стр. 31).

«*Широкая* переписка Льва Николаевича ... в последние годы его жизни достигла необычайно *широких* размеров» (стр. 127).

«...Л. Н. Толстой решил сына Сережу учить греческому языку и латинскому, причем ему хотелось именно самому *его научить им*» (стр. 63).

«А ночью часто любовался *луной за березами*, расстилающимися белым туманом...» (стр. 44) и т. д. и т. п.

Чему может научить такая книга юного читателя, которому она адресована? Глубокому и правильному пониманию творчества великого писателя? Очень сомнительно. Может быть, сочинение А. И. Поповкина, вышедшее под редакцией И. Т. Трофимова в Учебно-педагогическом издательстве, послужит для

юношества образцом того, как надо учиться правильно, четко и ясно излагать свои мысли? Тоже сомнительно. Для кого и для чего же в таком случае предназначено это издание, отпечатанное тиражом в 70 тысяч экземпляров?

Н. Прянишников